Н.В. Шлыгина

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ИНГЕРМАНЛАНДИИ В КОНЦЕ XVII В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА Ю. ГЕЗЕЛИУСА)

В отечественной исторической науке достаточно хорошо изучены и освещены взаимоотношения Великого Новгорода, а позже Российского государства со Швецией и их вековые военные столкновения и войны на берегах Финского залива, происходившие вплоть до начала XIX в. Основной их причиной была борьба за торговые пути, пролегавшие по берегам Финского залива и связывающие Запад и Восток. Следствием этих войн были, в частности, неоднократные изменения рубежей, разделявших противоборствующие стороны, что не раз существенным образом отражалось на судьбах народов этого региона. Так, граница, установленная Ореховецким миром 1323 г., рассекла на две части ареал формирующегося карельского этноса и существенно повлияла на его дальнейшее развитие. Она изменила также сферу воздействия новгородской культуры на территории современной Финляндии, что сказалось на формировании ее внутренних этнографических границ¹. Позже Тявзинский мир (1595 г.), сдвинувший российско-шведскую границу на финляндских землях еще западнее, лишил российское население, в первую очередь карел, их давних рыболовецких угодий в Приботнии на р. Кеми².

Наконец, по Столбовскому миру 1617 г. Россия уступила Швеции часть северо-западного Приладожья и восточную часть Карельского перешейка, а также южное побережье Финского залива. На этих территориях в период шведского господства, вплоть до Ништадтского мира 1721 г., происходили массовые миграции населения. С одной стороны, с захваченных шведами земель шел массовый отток православного населения – как русского, так и финноязычного – карел, води и ижоры, – уходившего на территорию России. С другой стороны, в новые шведские владения активно переселялись колонисты, преимущественно из юго-восточных частей Финляндии, чему способствовали определенные поощрительные меры шведских властей.

Как отечественная, так и зарубежная наука располагает богатыми источниками, позволяющими восстановить ход этих миграций: сохранились переписные как новгородские, так и шведские книги, ряд царских указов, касающихся переселенцев на российские земли, сведения о численности и местах исхода финских колонистов на завоеванные земли, хранящиеся в шведских и финляндских архивах, и т.д.³

Исход православного населения из отошедших Швеции мест был в значительной мере связан с религиозной политикой шведских властей, с насильственными формами обращения православного населения края в лютеранство. Война 1656–1658 гг., когда российская сторона предприняла попытку вернуть захваченные территории, рассматривается рядом финляндских ученых именно как религиозная⁴. После поражения России в этой войне отток коренного населения из этих мест приобрел еще более массовый характер.

Жесткая религиозная политика шведов проводилась несмотря на то, что при заключении мирных договоров определенной нормой стадо вносить в них пункт о гарантии населению завоеванных территорий права на сохранение их веры. Такой пункт был включен как в Столбовский договор, так и в Кардисское соглашение 1658 г. Тем не менее это условие договоров нарушалось достаточно вызывающим образом.

Отчасти причиной тому была специфическая ситуация в самой Швеции: там шла в этот период решительная и бескомпромиссная борьба за проведение Реформации во всех обширных владениях шведских королей. Реформация позволяла королю существенно расширить и укрепить свою власть. По нормам лютеранской церкви он ста-

новился ее главой и считался верховным епископом. Весьма существенным было и то, что секуляризация имущества католической церкви и ограничение ее доходов немало обогатили государственную казну. В итоге король приобретал свободу рук в основных вопросах внутренней и внешней политики, что и соответствовало стремлениям шведских королей к абсолютистской форме правления. Это было сформулировано и в их активно осуществляемом лозунге: "одна вера, один язык, один закон, те же нравы" (una religia, una lingua, una lex, idem mores). Такая политика проводилась и на практике, включая даже попытки сделать для всех народов государства обязательным шведский язык. Особенно преследовались инаковерующие: им угрожали различные кары вплоть до смертной казни⁵. Новые восточные владения внушали правителям Швеции в этом отношении особые опасения: это были пограничные территории с малоизвестным иноверческим населением и обращение в лютеранство представлялось, видимо, определенным шагом в его адаптации к новым условиям. Административно новые земли были разделены на две части: Кексгольмский лян и Ингерманландский или Ингерманландию.

В первый период после Столбовского мира, при Густаве II Адольфе (1611–1632) в Ингерманландии и Кексгольмском ляне сеть лютеранских сельских приходов создавалась в основном для прибывающих сюда финских колонистов. Но уже в это время принимались меры для ограничения прав и роли православной церкви, в частности было запрещено приглашать священников из России. Таким образом, если приход остался в ходе войн без священника или он просто умирал, то его должность не замещалась и храм закрывали. Так, по данным 1630 г., в Ингерманландии было 48 православных церквей и лишь 17 священников, лютеранских же приходов насчитывалось всего восемь и там служили шесть пасторов. Через 25 лет, к 1655 г., осталось всего 20 православных церквей, в то время как число лютеранских приходов возросло до 58, в них было построено уже 20 церквей и действовали 42 пастора⁶.

Завоеванные Швецией земли подразделялись на два епископства: одно составляли земли Кексгольмского ляна, а второе — земли Ингерманландии. Последнее подчинялось Нарвской консистории, которую возглавлял Х. Штахель (Н. Stahel). При этом он считался главой и местной православной церкви. Это позволяло ему "на законных основаниях" издавать различные постановления, касающиеся православной церкви. Так, в частности, в 1645 г. он издал указ о том, что православные священники под угрозой штрафа обязаны обучать свою паству катехизису Лютера. Видимо, с этой целью в Стокгольме был напечатан его текст на финском языке, но славянскими буквами.

Крестьянство края наряду с усиливающимся наступлением на их традиционную веру испытывало и гнет новых владельцев поместий: пустующие земли были розданы шведской знати. Правда, ряд русских землевладельцев остался в своих поместьях. В ходе военных действий 1656—1658 гг. местные крестьяне достаточно активно поддерживали российские войска, ими было также разгромлено немало усадеб шведских дворян. Поэтому многие крестьянские семьи предпочли уйти вместе с отступающими войсками в Россию. Этот исход шел и в последующие годы, он имел массовый характер и привел к возникновению ряда новых ареалов карельского, водского и ижорского населения.

Война 1656—1658 гг. отнюдь не насторожила шведские власти, во всяком случае они не усмотрели необходимости смягчить проводимую ими религиозную политику. Как показывают дальнейшие события, война скорее подтвердила их представления о ненадежности православного населения и необходимости приобщить его к государственной вере. В самой Швеции королевская власть также усиливала нажим на иноверцев: Карлом XI (1672—1677) был даже издан прямой указ о запрете исповедовать иную, кроме лютеранской, веру⁷.

В нашей статье мы рассматриваем религиозную ситуацию только в Ингерманландии, имея целью осветить ее, в первую очередь, на основе некоторых малоизвестных документов.

В Ингерманландии с 1681 г. главой лютеранской церкви стал Ю. Гезелиус-младший (J. Gezelius), рьяный приверженец новой веры. Именно ему принадлежит честь "теоретического обоснования" конфессиональной политики, проводившейся на "новых землях" в последней четверти XVII в. С целью обойти пункты мирных договоров, гарантировавшие населению право сохранения традиционной веры, Гезелиус выдвинул своеобразную "рабочую гипотезу". По его мнению, это право распространялось только на русское население края. Води и ижоры, напротив, эти гарантии не касались, так как их следовало рассматривать как финнов. Первоначально они, по версии Гезелиуса, жили в Финляндии и были лютеранами, а позже переселились на южное побережье Финского залива. Затем из-за военных действий в крае они ушли на русские земли, где и перешли в православие. Теперь же их надлежало вернуть в лоно родной лютеранской церкви⁸. Из этих построений явствует, что различий между финским, ижорским и водскими языками Гезелиус или не знал, или не хотел их замечать, не беспокоили его и хронологические неувязки в его теории.

Для успешного проведения акции по возвращению води и ижоры в лютеранство Гезелиус предлагал провести их сегрегацию (segregera), чтобы отделить от местного русского населения. Король одобрил его идею и в 1683 г. подписал соответствующий указ. В нем говорилось, в частности, что водь и ижора не понимают русского языка, а потому православные священники вообще не могут привести их к истиной вере (видимо, имелось в виду христианство как таковое). Заметим, что русские источники того времени свидетельствуют, что по крайней мере часть местных православных священников понимала язык финноязычного населения края.

В королевском указе оговаривалось, что обращение води и ижоры в лютеранство следует проводить без насилия и наставлять их в новой вере на их родном языке. Для большей эффективности этой акции предлагалось обратившихся в новую веру на 60 лет освобождать от уплаты душевой подати. Наряду с этим король предлагал запретить православным священникам проводить требы для водско-ижорского населения.

Имея указ короля, Гезелиус принялся со свойственной ему энергией претворять свои идеи в жизнь. В этом деле он имел полную поддержку и со стороны генерал-губернатора Ингерманландии Ёрана Сперлинга (G. Sperling). Последний в мае 1684 г. опубликовал распоряжение ("Плакат"), в котором призывал местных поместных землевладельцев не уклоняться от предписаний королевского указа и давал перечень мер по ограничению прав православных священников. Тогда же, в мае 1684 г., Гезелиус опубликовал два документа: "Инструкцию" по проведению сегрегации, и "Дополнение" к ней, подробно излагавшее формы обучения "сегрегированных" основам лютеранской веры. Как "Плакат" Сперлинга, так и инструкции Гезелиуса касались и деятельности православных священников. Последние не только не имели права проводить требы для сегрегированного населения, но и должны были не допускать его в свои церкви. За нарушение этого предписания священник платил штраф, а при повторных случаях отстранялся от должности и высылался из Ингрии. Православное население также не должно было совращать кого-либо в свою веру. Кроме того, православные обязаны были платить не только церковную десятину в свою церковь, но и церковный налог в лютеранскую. В ходе службы в православной церкви следовало возносить молитвы за шведское правительство. В дни лютеранских церковных праздников православные крестьяне, в отличие от лютеран, не освобождались от работы.

Никто из русских, вожан и ижорцев не мог избираться в судебные заседатели или быть бурмистрами (kupiaset), если не имел справки от лютеранского пастора, что прошел обучение основам новой веры.

Сперлинг в своем "Плакате" требовал, чтобы местные пасторы и пробсты обследовали свои приходы с тем, чтобы выяснить, на каком языке говорят в той или иной деревне⁹. Не понимавшие русского языка обязаны были посещать только лютеранскую церковь. Им запрещалось участвовать в православных церковных праздниках (prasniker), а также совершать паломничества в священные рощи, к жертвенным

камням и в другие древние культовые места. Таким образом в предписания включалась и борьба с местными дохристианскими культами, которые здесь сохранялись, несмотря на вековые усилия православной церкви.

Гезелиус в упомянутом "Дополнении" предлагал выяснять, на каком языке говорят в той или иной крестьянской семье дома, что разумеется, дало бы более надежные сведения, чем общие данные по деревням. К тому же, тем, кто утверждал, что знает русский язык лучше, чем финский, предлагалось для проверки давать прочесть текст катехизиса на обоих языках. Учитывая низкий уровень грамотности крестьян в ту эпоху, такая проба позволяла делать достаточно вольные заключения. Если же кто-нибудь начнет ссылаться на право сохранения православной веры, гарантированное мирным договором, предлагалось разъяснить ему, что это касается только русского населения. К числу "сегрегированных" относились и смешанные семьи. В них, если отец был из финноязычного населения, то он и дети автоматически входили в число сегрегированных, а мать следовало убедить принять лютеранство. В случае, если русским был отец, то нерусская мать должна была войти в лютеранскую церковь (о детях не упомянуто)¹⁰.

Реляции Гезелиуса, поступавшие в Стокгольм в последующие годы, свидетельствовали о необычайных успехах миссионерской деятельности среди водско-ижорского населения. Так, в 1684 г. Гезелиус сообщал, что к лютеранской церкви приобщено еще 3000 семей, при этом добавлялось, что местные семьи очень многочисленны: 6–8 душ, есть и более крупные – в 12–15 и даже 20 человек. Еще через два года он сообщал, что в некоторых приходах лютеранство приняли все поголовно 11.

Можно полагать, однако, что самому Гезелиусу было известно, что обращение "сегрегированных" шло не так уж успешно и протекало не столь бесконфликтно, как можно было судить по его реляциям. С одной стороны, паства нередко проявляла строптивость, с другой – местные власти не слишком придерживались упомянутого в королевском указе принципа "ненасилия". Было известно, например, о конфликте в приходе Тюрё (окрестности Ораниенбаума). Там комиссар И. Хендрикссон, разгневавшись на одного ижорца по имени Тимофей Кузьма, который "проявлял строптивость и крестился на иконы", сорвал икону, бросил ее на землю, топтал ногами, а затем приказал прибывшим полицейским уничтожить все иконы в окрестностях Дудергофа. Из прихода Уусипуура сообщалось, что один "упрямый ижорец" подбивал народ к непокорству и был за то арестован управляющим. В окрестностях Яама в ряде деревень население, "подлежащее сегрегации" не желало отказаться от православия, утверждая, что они чисто русские 12.

В Кантси (Ниеншанц) пробст Якоб Ланг с помощью полиции воспрепятствовал участию "сегрегированных" в православном церковном празднике. В итоге некоторые из прихожан и русский поп Сидор были отправлены в тюрьму. В приходе Инкере (окрестности нынешнего Царского Села) пастор посрывал со стен все иконы и приказал конному солдату растоптать их. Подобные сведения в немалом числе поступали в консисторию, вследствие чего в упомянутом "Дополнении" Гезелиус специально оговаривал, что хотя иконы и представляют собой "суеверие", но опасно лишать население их "игрушек". Поэтому лучше пасторам разъяснять народу, "что поклонение иконам губит душу". Для борьбы с этой православной традицией предлагалось, чтобы состоятельные люди (очевидно, из лютеран) скупали иконы у местного населения и уничтожали их¹³. Предписания Гезелиуса предлагали также бороться с обычаем носить русскую одежду. Как известно, водская и ижорская одежда в те времена значительно отличалась от русской. Очевидно, в ряде случаев "сегрегируемые" прибегали к такому "маскараду", чтобы сойти за русских. Единственное, по мнению Гезелиуса, с чем вообще не стоило бороться, так это с ношением нательных крестов, поскольку отказа от них трудно было бы добиться. Следовало просто разъяснять, что гораздо лучше иметь распятие. Также и в отношении постов следовало вести разъяснительную работу с тем, чтобы водь и ижора отказались бы от этой традиции¹⁴.

Видимо, исходя из реальной ситуации, – различных неприятных инцидентов, связанных с сегрегацией, – а также руководимый стремлением достичь полной лютеранизации местного водско-ижорского населения, Гезелиус предпринял летом 1784 г. инспекционную поездку по территории Ингерманландии. Она заняла, правда, с небольшими перерывами, целый месяц – с 25 июля по 25 августа. В ходе поездки Гезелиус вел дневник (Diarium Visitationis Ingro-wadiacae Anno 1684), который сохранился в Шведском государственном архиве. Еще в 1900 г. некоторые данные из этого документа были опубликованы и введены в научный оборот К. Эландером (С. Ohlander) в его работе, посвященной проведению Реформации в Ингерманландии 15.

Позже, в 1932 г. к анализу "Дневника" обратился финский историк Й. Миккола, посвятивший ему две статьи. В своей основной статье, опубликованной в "Историческом архиве", Миккола отмечал, в частности, что некоторые материалы "Дневника", имеющие этнографический характер, были оставлены Эландером без внимания. В приложении к этой статье он дал полный шведский текст дневника Гезелиуса¹⁶. Во второй, небольшой статье, вышедшей в тот же год в журнале "Вириттяйя",

Миккола опубликовал составленную им карту маршрута Гезелиуса.

Гезелиус проехал по северной и центральной частям губернии, лежащим на север от дороги, соединявшей Нарву и крепость Ландскрону (Ниеншанц), построенную в приустье Невы. Южнее значительных поселений води и ижоры в шведских владениях просто не было. Последним восточным пунктом его путешествия стала Стрельна, так как земли Карельского перешейка не входили в компетенцию Гезелиуса. За месяц он проделал огромный путь, что, учитывая состояние дорог в те времена, оказалось отнюдь не просто, и проверил, как проходит сегрегация в десятках водских и ижорских деревень. Дневник содержит достаточно полный их перечень. "В день Яакова", 25 июля, Гезелиус приехал из Нарвы в Котлы, которые были в то время центром одного из лютеранских приходов. В течение трех дней он проводил проверку религиозных знаний местного крестьянства, собирая в одном месте крестьян из нескольких деревень. Первый этап поездки Гезелиуса охватил часть водских деревень от Котлов на юг и закончился посещением ряда поселений, входящих уже в приход Новоселка (названы деревни Пиллала (Пихлала)*, Помола, Кикерица, Кирстово, Гурилефка, Рагуница. Ополье, Торма и Пустомержа). Из дер. Онстапель (по-ижорски Мустопяя) Гезелиус вернулся в Нарву: из-за бездорожья проехать на восток было невозможно.

Второй этап его поездки начался с прилужских деревень: 9 августа он прибыл в Кейкино, в течение двух суток посетил деревни Котко, Куккус (Куккуси), Коземкина и добрался до Острова или Лаукансуу. Названия прихода, в который входили прилужские деревни, Гезелиус не дает, упоминает только, что из Острова он проехал в Сойкинский приход, граница которого начиналась в те времена, видимо, сразу на восток от р. Луги, так как первой деревней этого прихода названо Кроколиа (Краколье), а затем д. Луцица (Лужица), которые позже относились к приходу Нарвуси. В числе деревень, упомянутых при поездке по самому Сойкинскому полуострову, значатся Косколово, Воланитса, поместье Сойкино и д. Саннинкоперре. Следующим местом сбора крестьян стала д. Нурмисто, куда пришли люди из Харкола и ряда других ижорских деревень. Далее Гезелиус вновь проехал на территорию Котельского, а затем Копорского приходов. В д. Накоа (Наккова) были собраны также крестьяне из "Мускина Ицепина" (т.е. деревень Мышкино и Ицепино, лежавших по разные стороны от Наккова). В тот же день (13 августа) он посетил д. Ивановски (Ивановское), которая, как упоминает Гезелиус, относилась к поместью графа Оксенширна, а также д. Маухо (Маху) или Подомойсино (Подмошье).

Гезелиус пишет о водских деревнях, начиная именно с д. Ивановское (wadialsk byy), на деле ареал водских деревень на его пути начинался уже с Ицепино, включая также Маху и названные им Гостилово (Костлово) и Клементина (Климатино).

^{*} В случаях, когда название деревни сильно искажено в записях Гезелиуса, в скобках дано его правильное написание.

Пробыв один день (15 августа) в Копорье, Гезелиус двинулся на восток, в Хеваский приход. Первыми им названы ижорские деревни, расположенные на берегах р. Воронки — Вяйн Луска (Лужки) и Керново, затем центр прихода — Хеваа, а также деревни Хариевалла, Вяскела и Лентис Мурдовщина (две деревни: Лентиси и Мурдовщина).

Далее, примерно от современной Красной Горки, начинался уже приход Тюрё. Здесь в числе упомянутых Гезелиусом деревень значатся Юлимяки, Азиккала, Якковитс, Лаурила, Кангас, Пронсимойсио, а также ряд деревень, лежащих восточнее

Тюрё (пос. Мартышкино): Куузойя, Хапакюля, Исаккала и Стрельна.

Отсюда Гезелиус повернул обратно, двигаясь на юго-запад, и следующим значительным центром его остановки была д. Ропсу (Ропша), относившаяся к Новабурскому приходу. В числе окрестных деревень здесь названы Соковитц, Забродиа, Обскова, Лапала и Канитса.

Затем Гезелиус посетил Новабуру, расположенную на тракте, идущем от основной дороги в сторону Копорья. Из окрестных деревень он называет Конду, Глобитц, Закернова, Ларовитцы, Кууровитц. От Клопитсы Гезелиус сделал выезд на юг, где сохранялся еще один островок ижорских деревень: Теглитц, Ласковитц и Зяблитцы, которые принадлежали, как он упомянул, к поместью г-на Свиньина. Затем Гезелиус проехал в Копорье и оттуда вдоль дороги, идущей на Нарву, в приход Унадитсу, первой деревней которого на его пути была Арбола, затем Тютица, отмечены также деревни Горки и Домашево. 25 августа он прибыл в Коладитц, где были собраны ижорцы и из окрестных деревень, а затем в Молосковицы, куда на проповедь пришли также ижорцы из Зруды и Ястребин. На этом его инспекторская поездка закончилась и Гезелиус вернулся в Нарву.

Маршрут Гезелиуса описан нами так детально потому, что это позволяет установить ряд малоизвестных, во всяком случае для XVII в., фактов. Так, в принципе известно что границы местных лютеранских приходов с течением времени менялись: в частности, в середине XIX в. их уточнение было проведено епископом У. Сюгнеусом. Но сведений более раннего времени почти нет. Гезелиус в "Дневнике" практически всегда отмечал свое прибытие в новый приход (sokn), называя при этом инспектируемые там деревни. Благодаря этому можно установить, в частности, что Сойкинский приход в XVII в. был обширнее, чем в XIX в.: он включал некоторые деревни (Краколье, Лужицы и др.), которые позже принадлежали к приходу Нарвуси. Упомянутый Гезелиусом Новабурский приход в XIX в. стал именоваться Серепетским; как отдельный приход назван Хеваский, который в XIX в. был объединен с приходом Тюрё, а ныне вновь выделен как самостоятельный и т.д.

Интересно то обстоятельство, что Гезелиус в равной мере пользовался как финноязычными – водскими и ижорскими – так и русскими названиями населенных пунктов. Например, при описании поездки по Прилужью он называет деревни Котко (по-русски Орлы), Куккус (по-русски Куровицы) и наряду с этим пишет Коземкина (по-водски Нарвуси), Остров (по-ижорски Лаукансуу,) Краколье (по-водски Йыгипера) и т.д. Иногда он отмечает оба названия: так, для Стрельны он дает в скобках ее финноязычное наименование – Нуолийоки.

Какой-либо системы в использовании русских и финноязычных топонимов при этом не прослеживается. Можно полагать, что он записывал их так, как ему называли местные пасторы или другие сопровождавшие его лица (он упоминает амтманов, гевальтеров, кубьясов). Во всяком случае, очевидно, что параллельное использование финноязычных и русских названий было в то время уже бытовой нормой. Она возникла, вероятно, еще в новгородское время, в частности потому, что русские топонимы использовались тогда в различных документах (писцовые книги т.п.).

Поражает то, что значительная часть названных Гезелиусом деревень сохранилась и в последующие столетия. Это подтверждают позднейшие карты, а некоторые из них и сегодня значатся на картах Ленинградской обл.

Для сопоставления с материалами Гезелиуса мы не располагаем более ранними картами, чем составленная П. Кёппеном по данным середины XIX в. Но Й. Микко-

ла, очевидно, имел таковые, так как на его карте маршрута Гезелиуса нанесен ряд деревень, которых на карте Кёппена уже нет¹⁷. Сопоставление карт и списков поселений с финноязычным населением края конца XIX – начала XX в. показывает, что по сравнению с XVII в. водские и ижорские деревни лучше сохранились в западной части региона¹⁸. На востоке, особенно в приморской полосе, начиная примерно от Копорской губы и в ближайших к Петербургу районах поселенческая сеть, в значительной мере благодаря близости столицы, сильно изменилась. Правда, ряд старых названий деревень можно обнаружить и в наши дни.

Сохранность многих старых поселений (причем с прежним названием) отнюдь не означала уже в середине XIX в., а тем более позже, неизменности этнического состава их жителей.

Возвращаясь к этой проблеме, повторим, что уже сам маршрут Гезелиуса определял в общих чертах ареалы води и ижоры в конце XVII в. К тому же Гезелиус, как правило, называл этническую принадлежность жителей посещаемых им деревень. Он пользовался этнонимами ижора и водь в их шведской или финской форме (ingricor и wadicor, wadialaiser). Правда, при этом у него иногда встречаются ошибки, за которые, видимо, ответственны его информанты. Так, в частности, исконные водские деревни Кикерицы и Керстово, где водское население сохранялось еще и в XX в. 19, отмечены у него как ижорские. Характерно, что для старых водских деревень Прилужья, которые к XVII в. уже испытали сильное ижорское влияние, он пишет "водь и ижора". Это явно отражает тот факт, что жителей этих деревень было трудно идентифицировать по этнической принадлежности.

При поездке по восточной части Ингерманландии, начиная с Сойкинского п-ова до Стрельны и от Копорья до Молосковиц Гезелиус называет крестьян только ижорцами. Это должно соответствовать реалиям, поскольку в этих местах, на территории древней Водской земли, водское население, согласно исследованиям отечественных археологов, было ассимилировано славянами уже примерно в XVI в. 20

Таким образом, можно констатировать, что в целом Гезелиус дал достаточно точную картину расселения води и ижоры в конце XVII в.: это ареалы води, занимавшие, во-первых, полосу земель от нижнего течения р. Луги до Котлов и на юг от этого населенного пункта вплоть до Керстово; во-вторых, небольшой островок водских деревень на юго-восток от Котлов вокруг Тютиц и, наконец, группы деревень около Копорья: западная – окрестности Маху и Ицепино и восточная – около Костолова. Следует сказать, что эти водские поселения сохранялись очень устойчиво, несмотря на иноэтничное окружение и даже появление в самих водских деревнях как русского, так и ижорского, а также финского населения, и быструю в целом ассимиляцию води²¹.

Ареал ижоры в восточной части Петербургской губ. впоследствии сильно сократился в результате расселения здесь русских и финнов и из-за ассимиляционных процессов. Уже в середине XIX в. наиболее устойчивым ареалом ижоры была территория в низовьях р. Коваши; далее на восток по побережью П. Кёппен отметил лишь шесть маленьких островков ижоры: около Красной Горки, Кангаса, Бронной, Ижорской, под Ораниенбаумом и Петергофом. Позже исчезли и они. Большая часть ижорских деревень, названных Гезелиусом в середине XIX в., была уже заселена финнами (савакотами и эвремейсами) и русскими. Заметим, что вследствие принадлежности к православной церкви и чересполосного расселения с русскими ижора растворялась в основном в среде русского населения. Но определенная ее часть, в первую очередь из числа лютеранизированной ижоры, со временем финнизировалась.

В дневнике Гезелиус обычно характеризовал поведение пришедших на обучение крестьян. Как отмечено, их сгоняли к месту сбора местные власти — управляющие, бургомистры и т.п. В ряде случаев это удавалось, но в некоторых местах крестьяне все же убегали в леса. Гезелиус, судя по записям, проверял знание молитв, в первую очередь, Отче наш (fadher war) и символа веры (Troos Artiklarne), а также, видимо, произносил какую-то поучительную речь. В одних случаях крестьяне слушали его тихо и покорно, в других шумели и даже выступали с угрозами. Так, уже в начале пу-

ти в Кикерицах и Новоселке народу пришло много, некоторые знали молитвы, другие с трудом их повторяли, но по окончании "экзамена" все просили оставить их в старой вере. В Керстове один старик, причем судебный заседатель, решительно заявлял о своем желании остаться в старой вере. На следующий день в д. Торма крестьяне не хотели идти на сбор и выражали недовольство²².

Не лучше обстояло дело и в прилужских деревнях. В Котко собравшиеся все время поднимали шум, а один из присутствовавших выступал с угрозами и призывал к неповиновению, за что в итоге был бит батогами и арестован²³. На Сойкинском пове, в ижорских деревнях, пришедшие на сбор, среди которых были и женщины с детьми, сначала вели себя тихо и слушали информацию Гезелиуса внимательно, молодежь хотела читать молитвы. Однако затем появились люди, которые выражали желание остаться в "русской вере" (Ruska troo).

Трудным оказался и Котельский приход: в ряде случаев вожане говорили, что вообще ничего не знают о новой вере. Они даже проявляли интерес и слушали поучения Гезелиуса, говорили, что их так не учили. Но все же некоторые сказали, что хотят сохранить старую веру, ссылаясь на свои права, сведения о которых получили в Нарве²⁴.

В некоторых местах, например, в Канитса (приход Новабура), "сегрегируемые" просили также, чтобы им разрешили хоронить покойников в рощах и на старых кладбищах (I sine förre lunder och Calm), упоминались ими и жертвенные камни. В Глобитцах и Закернове ижорцы просили разрешить им носить их старинную одежду (om dhe skulle få behålla dhe förra klädebondan).

Таким образом, поездка не дала особо обнадеживающих результатов: по большей части даже проявившие покорность люди все же просили сохранить им старую веру, а иногда пришлось прибегать к помощи полиции, батогов и розог. Однако это не обескуражило Гезелиуса. Уже в феврале 1685 г. он опубликовал в Нарве новое руководство для проведения обращения води и ижоры в лютеранство²⁵. Оно включало требование, чтобы пасторы тайно выясняли, откуда родом были те их прихожане, которые не говорят по-русски, но при этом утверждают (как и ряд их господ), что они родом из России. (Гезелиус твердо придерживался мнения, что это были финны.)

Нет оснований полагать, что стремление местного населения сохранить "русскую веру" могло помешать дальнейшей деятельности Гезелиуса. Но в это время проблема религиозной политики Швеции в Ингерманландии (и отошедшей Швеции части Приладожской Карелии) стала рассматриваться на высшем политическом уровне. Жалобы, поступавшие в Москву, заставили царское правительство (это было время совместного сидения на престоле Ивана и Петра при регентстве Софьи) обеспокоиться и попытаться выяснить истинное положение вещей. Соответствующие поручения были даны воеводам князю М.Г. Ромадановскому в Пскове и князю М.Я. Черкасскому в Новгороде. Первому следовало проверить обоснованность жалоб, поступавших от русских купцов из Таллина, второму - собрать сведения о ситуации в Ингрии и Кексгольмском ляне. Князю Черкасскому предписывалось послать туда тайно человека, чтобы выяснить положение русских церквей, наличие там священников, их возможности проводить в них службы и т.д.²⁶ Это задание получил некий Иван Семенов, который представил о поездке письменный отчет. Подлинник его сохранялся затем в Древлехранилище министерства иностранных дел в Москве, а его чистый список – в Посольском приказе²⁷.

Часть сведений была собрана самим Семеновым, часть получена им от православного священника Сидора, на анализе деятельности и религиозной позиции которого, не совсем ясных, в данном случае нет возможности остановиться. По всей видимости, Сидор был родом из Нарвы, владел финским и шведским языками. По сохранившимся сведениям, именно он вместе с крестьянином Хуотари в 1686 г. побывал у короля Карла XI с жалобами на действия Гезелиуса²⁸.

Из Москвы после представленного Семеновым отчета, от имени царей Ивана и Петра Карлу XI было направлено письмо, полученное им 10 октября 1685 г. Оно содержало обвинение шведских властей в несоблюдении Кардисских соглашений, при-

чем приводились факты, взятые прямо из донесения Семенова. Уже к 27 октября 1685 г. король подготовил на него ответ в Москву, в котором он защищал позиции Сперлинга и Гезелиуса. Копию своего письма он направил в Нарву, требуя при этом от Гезелиуса объяснений, которые помогли бы разрешить конфликт с Россией. Но в Москву послание, несмотря на просьбу о скорейшем ответе, осталось неотправленным. Очевидно, как раз в это время король обнаружил, что жалобы России небезосновательны. Й. Миккола полагает, что именно в этот период ко двору короля прибыли упомянутые священник Сидор и крестьянин Хуотари. Ответ Гезелиуса Карлу XI, в котором он повторял свой тезис, что водь и ижора – это обращенные в православие финны, на сей раз, видимо, не убедил короля, и он решил провести расследование реальной религиозной ситуации в "новых землях", что заняло немало времени. Лишь поздней осенью 1686 г. королевский ответ отправили через Новгород в Москву. В переводе на русский он был зачитан царям в присутствии Софьи и членов Боярской думы. Письмо было датировано 27 октября 1685 г., хотя и направлено в Москву почти через год. Текст его радикально отличался от первого варианта. В нем не было сказано ни слова в защиту Сперлинга и Гезелиуса, король подтверждал свое благосклонное отношение к православной церкви в Ингерманландии и Кексгольмском ляне и обещал придерживаться обязательств по мирному договору²⁹.

После отправки письма в Россию Карл XI немедленно послал письмо и в Нарву. В нем совершенно четко говорилось, что водь и ижора не должны исключаться из числа лиц, имеющих право на свободу вероисповедания и сохранение православия, так как к моменту заключения мирного договора они уже жили на отошедших Швеции землях, "чего король ранее не знал" Король писал и о том, что ему стало известно, что лютеранство насильно навязывается населению: людей секут, заключают в тюрьмы и прибегают при этом к помощи местных властей. Сперлинг получил приказ немедленно прекратить насильственные действия по отношению к води и ижоре. Но требования российских царей, чтобы Гезелиус и пробст Ланг были наказаны, король проигнорировал. Гезелиус, несмотря на жестокий удар, который нанесло ему королевское послание, все же издал в 1687 г. еще одно воззвание — "К тем, кто говорит по-фински, но тем не менее до сих пор принадлежат к Русской церкви и попам". В 1689 г. Гезелиус оставил свой пост, который занял его рьяный помощник Якоб Ланг, остававшийся Нарвским суперинтендантом до 1700 г. 1

По мнению некоторых исследователей, в частности К. Эландера, после ухода Гезелиуса с его поста ситуация в Ингерманландии постепенно стала спокойнее³². Естественно, местная лютеранская церковь не могла прямо нарушать приказ короля, который был к тому же и главой церкви. Но, как отмечает Й. Миккола, стремление к обращению водско-ижорского населения в лютеранство, видимо, ни Гезелиуса, ни Ланга, как и их коллег из Выборга, не покидало – они делали попытки вновь получить на это согласие от правительства, хотя и безуспешно. Очевидно, в определенных скрытых формах давление на православное население с целью приобщить его к "истинной вере" все время шло. Жалобы на различные притеснения православной веры поступали из разных мест, в том числе и от горожан – из Ивангорода, Ямбурга, Копорья, Ореховца, Ниеншанца, Кексгольма и других мест. Поступали и челобитные с просьбами о переселении на территорию России³³. Конец попыткам обращения православных в лютеранство положил лишь переход захваченных Швецией земель вновь под власть России в ходе Северной войны.

Примечания

¹ Vilkuna K. Pähkinäsaaren rauhan raja kansatieteellisessä katsannossa // Historiallinen aikakauskirja. № 4. Helsinki, 1960; *Talve I.* Suomen kulttuurirajosta ja -alueista // Suomalainen Tiedeakatemia: esitelmmät ja pöitäkirjat. Helsinki, 1971.

² Vilkuna K. Lohi. Kemijoen ja sen lähialueen lohenkalastuksen historia. Helsinki, 1974.

³ Saloheimo V. Itäisen Inkerin väestömuutoksia Ruotsin vallan alussa // Kalevalaseuran vuosikirja. № 69–70, Helsinki, 1990; *Kuujo E*. Inkerin suomalaisasutuksen synnystä 1600-luvulla // Ibid.

- ⁴ *Jutikkala E.* Geschichte Finnlands. Stuttgart, 1964. S. 127–128; *Haltsonen S.* Entistä Inkeriä // Tietolipas 36. Helsinki, 1965. S. 30.
 - ⁵ Jutikkala E. Op. cit. S. 162, 165, 166.
 - ⁶ Цит. по: *Haltsonen S*. Op. cit. S. 20.
 - ⁷ Jutikkala E. Op. cit. S. 161–162.
- ⁸ Mikkola J. Inkerinmaan kreikanuskoisten käännytyksestä vousina 1683–1700 // Historiallinen Arkisto XXXIX-5. Helsinki, 1932. S. 2; Mikkola J. Muutamia tietoja vatjalais-ja inkerikkokylistä 1600-luvun lopulta // Virittäjä 1932. S. 26–31. Helsinki, 1932.
 - ⁹ Mikkola J. Inkerinmaan... S. 4-5.
 - 10 Ibid. P. 6-7.
 - 11 Haltsonen S. Op. cit. S. 33.
 - 12 Mikkola J. Inkerinmaan... S. 8.
 - 13 Ibid. P. 7.
 - 14 Ibidem.
 - ¹⁵ Öhlander C. Om den svenska kyrkoreformationen uti Ingermanland. Upsala, 1900.
- 16 Статья Миккола включает три приложения: І секретный адрес купца Ивана Семенова по Ингрии в 1685 г. (в пер. на фин. яз.); ІІ в переводе на финский документы, опубликованные А. Андреевым (Доклады Российской Академии наук. Сер. Б. 1927), а именно отрывки из письма российских властей Карлу XI в 1684 г.; ІІІ Дневник поездки Гезелиуса 1684 г. на шведском языке.
 - ¹⁷ Mikkola J. Muutamia... S. 27.
- ¹⁸ Сопоставлялись: *Кöppen v. P.* Ethnographische Karte des St. Petersburgischen Governements. St. Pb. 1849; Ленинградская область и г. Санкт-Петербург. М., 1993 г.; Inkeri. Tiekartta 1 : 200 000. 1992; Ethnologisches Ortschafts- und Dorfregister des finnischen Sprachgebiets // Studia Fennica. T. 15. Helsinki, 1970. S. 105–122.
 - ¹⁹ Ср. Кöppen v. Р. Ор. сit.; Золотарев Д. У ижор // Тр. Ленингр. об-ва изучения местного края. Ч. І. Л., 1927.
 - ²⁰ Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997. С. 60.
- ²¹ Уже Кёппен отмечает в ряде старых водских деревень также и финнов-савакотов, в частности в Казико (Березняки), Понтилово, Котлах, Пиллове и ряде других деревень.
 - ²² Mikkola J. Inkerinmaan... S. 33.
 - ²³ Ibid. P. 34.
 - ²⁴ Ibid. P. 37.
 - ²⁵ Mikkola J. Inkerinmaan... S. 9
 - ²⁶ Ibid. P. 11.
 - ²⁷ Ibidem.
 - ²⁸ Ibidem.
 - ²⁹ Ibid. P. 19.
 - 30 Ibidem
 - 31 Ibid. P. 20.
 - 32 Ibidem.
 - 33 Ibid. P. 20-21.

N.V. Shlygina. Religious Situation in Ingria at the End of the XVIIth c. (on the data from J. Gezelius Diary)

The religious situation in Ingria where since 1681 at the head of the Lutheran church had been J. Gezelius, active proponent Lutheranization of the Orthodox population of the region, is reconstructed on the basis of rare historical documents. Special attention is paid to Vod' and Izhora, which were considered by local authorities as Finns. According to the views of J. Gezelius, both Vod' and Izhora lived initially in Finland, and settled later on the southern shore of the Finnish Bay, being already Lutheran. Due to the Russian-Swedish wars they were forced to leave the territory and resided on Russian lands, where they were converted into Orthodox. Attempts of the Lutheran church to convert Vod' and Izhora and segregate them in order to draw lines between their communities and Russians are traced. The main source for historical reconstruction is the diary of J. Gezelius (Diarium Visitationis Ingro-wadiacae Anno 1684), which he wrote during his inspection visits in Ingermanlandia, and which is now part of the Swedish State Archive collection.